

ПРОЛОГ

Маленькие женщины

*Издательская контора «Робертс Бразерс»
Вашингтон-стрит, Бостон, Массачусетс
1868*

— «Маленькие женщины»? Это и есть название?

На лице автора отразилось беспокойство. Над светло-серыми глазами и под поношенным льняным чепцом дрогнули обрамляющие ее лицо каштановые кудри. Мисс Джозефине Марч было всего семнадцать, и несмотря на все еще мало заметные изгибы девичьего тела, мир внутри него был огромен.

Ни в ней самой, ни в ее персонажах не было ничего «маленького».

Во всяком случае, так ей казалось.

Книгу, о которой шла речь, — сборник историй о семейной жизни, навеянный в какой-то мере ее собственной семьей, — она писать не хотела и упорно *отказывалась* браться за нее, пока вместо обычного мизерного аванса издатель не предложил такой гонорар, что *отказаться было попросту невозможно*. Только тогда она села и сгоряча настрочила с дюжину глав. К ее ужасу, редактору они понравились, и не имея иного выбора, ей пришлось дописать заключительную часть, которую она сейчас принесла.

И, о чудо, — скорее, невыносимое унижение, — книга будет называться «Маленькие женщины».

— Разве не замечательно? — Мистер Томас Найлс просиял, глядя на нее поверх очков.

Редактор (в меру) уважаемого и (в меру) солидного бостонского издательства «Робертс Бразерс» Найлс считал себя (в меру) знатоком издательского дела. Случалось, что авторы не разделяли этого убеждения.

Сейчас был как раз один из таких случаев.

— Ничего подобного! — Джо вытащила из кармана передника старенький батистовый носовой платок и нарочито театрально промокнула им уголок левого глаза, хотя они оба знали, что никакой слезы там нет.

«Одна только ярость, и не существует на свете носовых платков подходящего размера...»

— Это унижительно! — возмущалась Джо. — Нелепость какая!

— Вот как? — Найлс поправил очки на своем красноватом мясистом носу. — Почему же?

— Это... банально! — Джо уронила платок на лежащий перед ней сверток: перетянутые бечевкой листы с запрошенными издательством последними главами, столь же старательно выведенными чернилами, как и все предыдущие. Она не выпускала этот сверток из рук; всегда нелегко было расставаться с результатом своего упорного труда, что отнял *так много* часов, проведенных в сыром чердаке, где она опалила последние оставшиеся у нее свечные огарки — и собственные пальцы, — да и к тому же испортила себе зрение ради историй, которые будут названы «маленькими». *«Как он только смеет!»*

Найлс вздохнул.

— Тривиально! — гневно выпалила Джо.

— Под словом «тривиально», — начал было Найлс, — вы подразумеваете...

— Начнем с того, что это не название, а буквальное изложение сути самого сюжета, — перебила его Джо.

Он не сводил глаз со стопки листов.

— Да, и я слышал, что он просто прелестен.

Джо почти яростно замотала головой.

— Нет, он не *прелестен*. И я вам не *прелесть*.

Зарабатывая на жизнь своими привычными *кровавыми мелодрамами*, — каковыми она их считала, — Джо была далека от всей этой традиционной слащавости, присущей всем женщинам. По правде говоря, за исключением своих сестер, Джо почти не заводила знакомств и практически не дружила ни с кем из девушек.

— Вы *исключительно* прелестны, мисс Марч. Почти так же, как ваша книга, — заметил явно позабавленный Найлс. — Это дань уважения всем маленьким женщинам. — Он извлек из внешнего кармана жилета жестяную коробочку. — Хотите леденец?

Опять пытается выиграть время с помощью конфет. Найлс предлагал их только тогда, когда разговор становился весьма напряженным. Джо это было хорошо известно.

«*Вот значит как*».

«*Он действительно не собирался менять название*».

— Нет, спасибо.

Джо посмотрела в окно и увидела проезжающую по Вашингтон-стрит грохочущую конную повозку, разбрызгивающую грязь во все стороны, в том числе и на окна (в меру) ухоженной конторы «Робертс Бразерс». Ей не хотелось заламывать в отчаянии руки, но она не удержалась.

— Ну что ж, ладно. Вероятно, название и не важно. Я потратила на книгу несколько недель, и ради чего?

— Денег, — ответил Найлс. — Всемогущих долларов. В которых вы, как и все остальные люди на земле, нуждаетесь. И раз уж речь зашла о вашем гонораре, это и есть обещанные главы? — Он потянулся к лежащему между ними свертку.

— Дело не в деньгах, — отрезала Джо, еще крепче сжимая рукопись в руках. — *Не только* в них.

Она написала эту книгу на заказ, потому что Найлсу отчаянно хотелось увидеть нечто, отличное от стандартных готических романов, столь легко выходящих из-под ее пера.

И да, из-за денег тоже.

Пусть в результате и получились истории, описывающие картины семейного быта, но они удивили ее — это было не просто дамское чтиво, даже если теперь непременно будет таковым казаться благодаря названию. Она не ожидала, что напишет их столь быстро и с такой легкостью, что это будет настолько приятно. Перед редактором она в этом, конечно же, не признавалась.

— Деньги — не причина. По крайней мере, не главная.

«*Хоть мы и бедны, как церковные мыши*».

— Многие люди — *большинство из них* — считают иначе, — отметил Найлс, вытаскивая из кармана платок и обтирая вспотевший от их препирательств лоб. Платок у него всегда находился под рукой: Джо подозревала, что к этому его приучил многолетний опыт общения с рыдающими авторами.

— Многие, да не все, — фыркнула она.

— Мои инвесторы тому пример. Не только у вашей семьи есть военные долги.

Джо оказалось нечем на это возразить, он был прав. Ей думалось, что публика никогда не сочтет ее настоящим писателем, никогда не воспримет всерьез. Ей никогда не получить приглашения на лекцию в Атенеум вместе с Ральфом, Генри и... «*Как звали того третьего парня?*» Вероятно, этакая судьба ожидала всех пишущих женщин Конкорда, стремящихся быть менее *маленькими*.

«*Борьба за права слабого пола и тому подобная чушь*».

— Прелестно, — вздохнула она.

— Желательно, чтобы таковыми оказались и ваши последние главы. — Найлс с упованием во взгляде уставился на сверток. — Благо, мои наборщики уже почти закончили с предыдущими.

Джо фыркнула, отменно выказывая таким образом свое отношение к процессу помещения ее слов на книжные страницы. Лотти Робертс, обслуживающая печатный станок, однажды заменила «Христофор Колумб!» — любимую присказку Джо — на «Боже мой!», и Джо ее за это так и не простила. Если честно, это был не единичный случай: «Проклятье!» в печатном варианте загадочным образом оборачивалось в «Какая досада!», «ад» — в «преисподнюю», «Черт возьми!» превращалось в «Нет!», а «Чтоб тебе сифилисом заразиться, авантюристка!» было удалено целиком и полностью.

— Ваши наборщики слишком многое себе позволяют. — Она бросила на него злобный взгляд, в двадцатый раз повторяя свое требование не менять ни слова.

— Ну что ж. — Он захлопнул коробочку с леденцами. — Если у вас женщины из приличного общества ругаются как моряки, вы можете оборвать свое сотрудничество с издательством по собственному желанию, мисс Марч.

— Жду не дождусь этого дня, сэр, — поджала губы Джо.

— Уверен, вы это учтете, — улыбнулся Найлс. Потому что, несмотря на все свидетельства противоположного, они были добрыми друзьями. Найлс напоминал Джо отца, который покинул Конкорд несколькими годами ранее, присоединившись к Армии Союза в роли капеллана. За все это время мистер Марч возвращался домой только однажды, — когда союзная армия одержала верх, и война была выиграна, — три года назад. Вскоре после этого он вновь уехал, на этот раз волонтером Реконструкции на Юг, чтобы помогать строить школы и церкви для бывших рабов. И хотя письма от него, как правило, приходили довольно часто, женской части семьи Марч его сильно не хватало.

Но у Джо был Найлс, и если они ругались, то ругались по-доброму, ибо каждый из них считал своего визави самым безвредным человеческим творением. (Кроме того, Найлс выплачивал Джо по доллару в качестве вознаграждения за каждую из ее безумных романтических историй, что также

было не лишним. Ровно как и тот факт, что за время их сотрудничества количество желающих выписать циркуляр «Небылицы» возросло до сорока трех. *Сорока трех!*).

— Называйте как вам угодно. Все равно читать никто не будет. — Джо барабанила пальцами по завернутым в коричневую бумагу листам. — Не знаю, с чего вы вообще взяли, что это будет продаваться.

— Все может быть, — кивнул Найлс.

— Я должна была подписаться другим именем, — сообщила она. — Эустакия. Томазина.

— Возможно, — снова кивок. — Эустакия Эмерсон звучит прекрасно. И Томазина Торо — славный вариант, но и Хильдегарда Хоторн тоже вполне подошло бы, — подмигнул он.

«*Хоторн. Вот как звали того парня из Атенеума!*»

— Отлично. — Она теребила веревку на свертке. — Вот вам моя маленькая книжка с глупой писаниной. Делайте с ней что хотите.

— Мне попадались и поглупее. Уж поверьте.

— Поверить вам? Да вы же ни в чем не разбираетесь, а в издании книг еще меньше! Вы даже «Ромео и Джульетту» не сумели бы продать, если бы я ее для вас написала.

— Должен признаться, поэма на мой вкус мрачновата, мне больше по нраву *сенсационные истории* со счастливым концом. И читателям «Небылиц» тоже. Вот почему же, скажите, Ромео не мог жениться на Джульетте и поселиться на уютной вилле где-нибудь в Тоскане? Продолжение под любым названием...

Писательница прикусила губу, чтобы с языка не сорвалось что-нибудь невежливое.

— Давайте сюда, — сказал редактор нетерпеливо, протягивая руки через покрытый бюваром стол и забирая у нее рукопись.

— Берите, конечно, — оскалилась она.

Заполучив новые главы, Найлс вместо коробки с леденцами открыл бутылочку мятного шнапса, которую он держал для особых случаев на дне выдвижного ящика.

— У меня тост! — начал он, наливая по глотку в каждую из двух рюмок.

Джо нехотя взяла одну.

— За наших «Маленьких женщин»! — воскликнул редактор. — И за светлое будущее Джо Марч, Томаса Найлса и «Роберт Бразерс»! Пусть 1868 год станет для нас удачным!

Они чокнулись с друг другом. Не сделать этого показалось Джо невежливым. В последний раз вздохнув и встряхнув своими локонами, девушка выпила за свое поражение. Редактор пил за ее успех.

Под названием «Маленькие женщины».

— 1 —

Счастливым конц

— *Христофор Колумб!* Даже не верится, — воскликнула Джо, покачивая головой при виде небольшой кучи аккуратно подписанных бумажных конвертов на круглом обеденном столе в Орчард-хаусе — ухоженном коттедже семьи Марч. — Кто все эти люди? Письма все приходят и приходят.

Старый дом не ответил.

Джо заерзала в своем набитом конским волосом кресле, и даже мягкий батистовый воротничок на новом платье ее совсем не радовал. Возможно, отчасти дело было в особых обстоятельствах, связанных с появлением самого платья, — Томас Найлс прислал по одному для каждой представительницы их семьи. Посылка, по стоимости превышающая обычные расходы обитателей Орчард-хауса, была доставлена курьером из Бостона, с прилагающейся к ней запиской: «Нашим дорогим Маленьким Женщинам с выражением восторга от нашего продуктивного сотрудничества и надеждой на будущие достижения. С уважением, мистер Томас Найлс, редактор и партнер издательства «Робертс Бразерс».

С платьем все было в порядке; Джо не давало покоя то, о чем подразумевалось в записке. Две тысячи экземпляров были распроданы практически немедленно! Само собой, популярность книги поразила всех, и ее восемнадцатилетнего автора в том числе. Но будущие достижения? Повышение мистера Найлса до статуса партнера? Все это намекало на новые книги о ее семье. А успех означал *ожидания*. Она не была уверена, что сможет их оправдать. Конечно, ей хотелось, чтобы книга понравилась читателям, но...

— Во что тебе не верится? — Эми, младшая сестра Джо, выкрикнула из погребца, где она, как и всегда, пыталась найти что-нибудь поинтереснее, чем скучный ломоть хлеба с маслом, с которым она по обыкновению чаевничала. Скорее всего, остатки изюма. — Что за письма?

— Ну как же? О книге, естественно! — Джо покачала головой. Ее каштановые кудри были перевязаны лоскутами, которые, по идее, должны были придать ее внешнему виду нотку экзотики, но в реальности она выглядела как одна из их старых самодельных тряпичных кукол. «*Может быть потому*, — как заметила ее старшая сестра Мег, — *что они были сделаны из таких же лоскутов*».

Девятнадцатилетняя Мег была ужасной традиционалистской, чем объяснялся ее интерес к серьезным до занудства молодым людям, — насчет этого Джо и Эми придерживались одного и то же мнения. По остальным вопросам сестры Марч редко сходились во взглядах, несмотря на нежную любовь к друг другу.

Из погреба донесся приглушенный голос:

— Не кричи. Ты же знаешь, *Марми* этого не любит.

Джо, распознав в тоне сестры иронию, представила себе растянутую у нее на лице усмешку.

— А ты не... — Джо подхватила один из конвертов и надорвала его зубами. — Не начинай!

Последовала пауза, — затем грохот — и Джо подумалось о корзинах с прошлогодней картошкой, которая, по всей вероятности, рассыпалась по каменному полу погреба. Стоял солнечный майский день, и Джо хотелось бы больше радоваться своему успеху и меньше переживать из-за ожиданий.

Но тут она снова услышала голос Эми:

— Это ты придумала ей такое слащавое прозвище, Джо! Теперь она навсегда останется *Марми*, в *тысячах и тысячах* экземпляров книги, которую все принимают за нашу реальную жизнь!

Джо перебросила письмо через каминную решетку прямо в огонь и взяла в руки следующее.

— Ах ты паразитка! Ты это мистеру Найлсу скажи! Он настоял!

Сопровождающий это заявление топот заставил Эми подняться вверх по лестнице в маленькую теплую гостиную, где сидела Джо.

Эми рухнула в скрипучее деревянное кресло напротив сестры.

— Чем ты тут занимаешься?

Но она сразу же позабыла о своем вопросе, заметив в центре стола керамическую миску.

— Я и не знала про апельсины! Ой, Джо! Какая вкуснятина у нас теперь есть!

Апельсины были редчайшим деликатесом: их везли из Флориды или выращивали в теплицах, которые могли позволить себе только самые состоятельные семьи.

И правда, несмотря на то, что долларами как таковыми бюджет семьи Марч пока пополниться не успел, карьера Джо способствовала регулярному появлению в доме определенных приятностей. И она была вынуждена признать, что более-чем-скромный успех книги пусть и был малопонятным, но приносил удовлетворение. Все это обрушилось на ее голову абсолютно неожиданно, и невзирая на то, что несколько хамоватых критиков заклеили произведение «*безвкусовой женской эрундистикой*», уязвленная гордость девушки нашла успокоение в совершенно реальном физическом комфорте, который принесло им это так называемое бумагомарание.

Джо отобрала у сестры миску с фруктами и с грохотом опустила ее прямо на кучу писем.

— Мама бережет их для варенья, — проворчала она.

— Ханна не позволяет ей варить варенье уже несколько лет, — парировала самая младшая и самая симпатичная из сестер Марч с самыми светлыми волосами.

«Самая младшая, самая симпатичная и самая вредная, — подумалось Джо. — У меня, по крайней мере, характер вполне сносный».

— Так что тебя все-таки разозлило? — поинтересовалась Эми.

Джо развернулась к столу и со скептическим взглядом указала на гору корреспонденции.

— Это письма от читателей.

Возле Эми уже образовалась горка из апельсиновой кожуры.

— Так много? И все для тебя? Как с тобой *скучно!* А зачем кому-то писать тебе?

— В том-то и дело. — Джо вздернула бровь. — Не имею ни малейшего представления. Наверное потому, что считают, что я пишу им... Ну, *для* них.

— Имеешь в виду *в книге*? — Эми вытаращила глаза, как будто только в этот самый момент осознала популярность Джо, точнее, ее книги. — На худой конец, они не толпятся у нас на пороге. Твои читатели.

— Представляешь себе их разочарование? Когда они узнают, что Великая Американская писательница живет в этой прогнившей дыре, полной тараканов?

— А по-моему, их больше ошеломляют твои кудряшки, — фыркнула Эми, глумливо тряхнув своими роскошными косами. — И что именно они пишут?

Джо оставилась на письма.

— Некоторые просят автограф или фотоснимок, а я не могу себе позволить отправить им ни того, ни другого. Но, если честно, они хотят одного. Все они.

— Чего? — У Эми иссякало терпение.

Джо вздохнула.

— Они хотят знать, чем все закончится. Ну то есть, кто за кого выйдет замуж.

— Что ж, вполне разумный вопрос. Так и *чем же* все заканчивается? — Эми склонила голову набок, слизывая апельсиновый сок со своих изящных пальчиков.

Джо фыркнула.

— Заканчивается так, как заканчивается! Разве этот конец их не устраивает? Что я становлюсь писательницей? Что Лори поступает в колледж, а наш отец возвращается с войны? Что весьма серьезный молодой человек предлагает руку и сердце нашей самой хорошенькой сестре? И что ты, мерзавка, наконец-то понимаешь, что вела себя нелепо и глупо?

Эми усмехнулась. На стол упала спираль апельсиновой кожуры.

— Ты свинья. — Джо осторожно смахнула очистки с конвертов. — Тебе следовало бы жить в сарае.

— Это я-то свинья? В то время как ты оглашаешь на весь мир, что мистер Дэвис ударил меня и заставил выбросить маринованные лаймы? — Эми склонилась вперед и ущипнула Джо за ее нежное, молочное запястье.

Это было правдой: в число самых популярных глав книги попали и те, в которых описывались позорные выходки Эми в прежней школе, — в частности то, как младшая Марч тайком пронесла и спрятала в свою парту пакет с лакомствами, за что и получила наказание.

Эми божилась, что никогда не простит Джо, однако это не мешало ей наслаждаться своей новообретенной славой. «*Конечно*, этот персонаж списан с меня! — говорила она каждому, кто осмеливался спросить. — Честно говоря, я сама ее придумала».

— Постарайся хоть иногда вести себя не как *поросенок*. К тому же, те самые лаймы фактически проспонсировали покупку этих апельсинов, — поддела ее Джо. — Поэтому я думала, что тебя все устраивает.

— Да, устраивает. Меня много чего устраивает. Но Мег правильно сказала, выдумать вдовствующую тетушку-соседку, которая нас терпеть не может, было странной идеей...